

УДК 930:94(470+510)

ВЕЛИКИЙ ЧАЙНЫЙ ПУТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ИРКУТСКА И ХАНЬКОУ

Р. А. Косс, М. М. Плотникова

Иркутский государственный университет, 664003 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
rkoss@yandex.ru
someforme@yandex.ru

Рассматривается влияние всемирно известного торгового маршрута «Великий чайный путь» на формирование локальной идентичности Иркутска и Ханькоу в конце XVIII – начале XX в. Особенности локальной идентичности китайского Ханькоу выделяются на основе анализа современной китайской историографии, актуализированной благодаря решению китайского правительства внести Великий чайный путь в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Материалы Государственного архива Иркутской области лежат в основе характеристики локальной идентичности Иркутска. Обращается внимание на разность оценок кяхтинской торговли в российской и китайской историографии.

Ключевые слова: Великий чайный путь, Иркутск, Ханькоу, локальная идентичность, китайская историография.

В современном китайском научном дискурсе происходит актуализация исторического наследия Великого чайного пути – важного экономического и культурного коридора, проходившего через евразийский континент с XVII до начала XX в. Это общий культурный маршрут, по которому китайская сельскохозяйственная цивилизация распространялась в Европу, а европейская индустриальная цивилизация – в Китай. Он имеет огромную ценность в истории мировой культурной коммуникации Нового времени. Китайская историография предпочитает называть Великий чайный путь «историко-культурной линией» [Великий китайско-российский..., 2014, с. 191]. Это направление становится популярным туристическим брендом и привлекает все большее число путешественников.

В настоящее время Китай делает все больше усилий для того, чтобы Великий чайный путь был включен в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин назвал его вековым пульсом [Там же, с. 23]. Этот маршрут проходил через семь провинций Китая (Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хубэй, Хэнань, Шаньси, Хэбэй), в каждой из которых сохранилось свое материальное наследие. В перечисленных провинциях идет большая работа по выявлению и сохранению исторического, культурного и архитектурного наследия Великого чайного пути. На форуме мэров городов Великого чайного пути, проходившем в октябре 2014 г. в г. Ухань, города, расположенные на этом маршруте, были названы «нитью жемчуга», а мэр Уханя Тан Лянчжи отметил, что «хочется, чтобы жемчужное ожерелье было целостным и не рассыпалось».

Подчеркнем, что Китай новыми шансами и вызовами для себя считает «индустриализацию, информатизацию, урбанизацию, маркетизацию и интернационализацию» [Лю Цзайцзи, 2009, с.150]. Работа, ведущаяся в китайских городах по внесению Великого чайного пути в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, имеет непосредственное отношение к урбанизации, маркетизации и интернационализации. Европейские концессии, находившиеся в Китае, способствовали привнесению в жизнь китайского общества европейского стиля жизни в виде городской планировки и застройки, архитектурного стиля, а также последних европейских достижений – электростанции, водопровода, канализации. Все это влияло на развитие урбанизации в XIX в. и является историческим достоянием в XXI в. В Китае на правительственном уровне есть понимание того, что история может быть сохранена и оживлена через туризм. Большое внимание при этом уделяется научной разработке соответствующих проблем. Поэтому и в случае продвижения Великого чайного пути как мирового туристического маршрута были выделены три этапа работы: 1) научно-историческое изучение темы; 2) подача заявки о включении в список Всемирного наследия ЮНЕСКО; 3) между-

народное сотрудничество стран-участниц Великого чайного пути: Китая, Монголии и России. Неудивительно, что научное исследование этой тематики закончилось написанием книг, посвященных Великому чайному пути, например, «Великий китайско-российский чайный путь и Ханькоу» [Великий китайско-российский..., 2014], «Шэдянь – транспортный узел Великого чайного пути» [张春岭, 凌寒, 2014]. Часть книг была переведена на английский и русский языки.

В Китае переиздаются книги, в которых отмечается ключевая роль чая и его влияние на мировое развитие. Например, в 2011 г. была переиздана книга В. Укса «Все о чае», вышедшая в свет в 1935 г. Виллен Укс, объехавший в течение 30 лет все основные районы мира, в которых выращивается чай, и проводивший опросы представителей политических кругов и чайных компаний, пришел к выводу о том, что в XIX в. чай являлся товаром, дававшим самый большой объем международной торговли и наибольшую прибыль. Актуализируются работы К. Маркса, в которых он пишет о чайной торговле России и Китая. Так, в статье 1857 г. написанной для газеты «Нью-Йорк дейли трибьюн», К. Маркс обращал внимание на то, что пограничный город Кяхта в результате русско-китайской торговли из простого форта и места ярмарки превратился в значительный город.

В китайской историографии отмечается, что Китай сделал большой подарок промышленной революции в Европе, потому что чайная торговля обеспечивала получение огромных налогов [Великий китайско-российский..., 2014, с. 19]. «Опиумные войны» в Китае некоторые китайские историки называют «чайной войной» [Там же, с. 113], а целью Англии считают манипулирование торговлей китайским черным чаем и захват основного налогового источника китайского императорского двора – чайного налога [Там же, с. 115]. Китайские историки пишут, что «Россия в середине XIX в., начав процесс индустриализации и расширения своей территории, нуждалась в больших деньгах, чтобы покрыть финансовый дефицит, возникший при строительстве новых заводов и увеличении военных расходов. Для этого правительству России требовалось расширение чайной торговли, чтобы получить больше прибыли» [Там же, с. 117]. «В июле 1860 г. Россия заняла Хайшэньвэй на берегу Тихого океана, который давно являлся привлекательным выходом на море азиатской части России. “Хайшэньвэй” в китайском языке означает “залив трепанга”. Раньше он находился в подчинении провинции Цзилинь в династии Цин. Россия назвала этот маленький рыбный порт Владивостоком. Другой целью России является Ханькоу, который считается самым большим в Китае чайным собирательно-распределительным центром и очень важным налоговым источником, поддерживающим быстрое развитие России» [Там же]. Подчеркнем, что еще русский посланник в Китай граф Е.В. Путятин, заключивший в 1858 г. Тяньцзинский договор, обращал внимание на тот факт, что китайцы «слабым местом» Российской империи считают пограничную торговлю, и для успешных переговоров с Китаем предлагал закрыть с нашей стороны пограничные ворота [Плотникова, 2006, с. 155].

Китайские ученые оценивают годовой объем торговли в пограничной Кяхте в середине XIX в. в 16 млн. руб. [Великий китайско-российский..., 2014, с. 171]. Российские исследователи отмечают, что в середине 1850-х гг. обороты Кяхтинского торгового центра были в среднем 11, 3 млн. руб. в год. В 1900 г. они составили чуть более 15 млн. руб. [Историческая энциклопедия Сибири, 2010, с. 257]. На наш взгляд, приведенные фрагменты из китайской историографии свидетельствуют о преувеличении роли чайной торговли как в мировой, так и в российской экономике.

Однако нельзя не отметить, что чаепитие стало неотъемлемой чертой русской идентичности, а самовар – одним из символов России. Императорские дома Европы усовершенствовали обычай чаепития китайцев: голландцы придумали цветочный чай, англичане стали устраивать «чай после обеда», французы создали рецепты заваривания трех-четырёх видов китайского черного чая. Употребление чая европейским населением улучшило функцию пищеварения и снизило смертность от заболеваний пищеварительной системы, увеличило продолжительность жизни.

Китайская историография выделяет два этапа развития Великого чайного пути: 1607–1843 – период чаеоторговли с особым разрешением китайских правительств династий Мин и Цин [Великий китайско-российский..., 2014, с. 109] и 1844–1927 гг. – период монополизации чайной торговли Англией, Россией, США и Францией [Там же, с. 113]. Российский исследователь А.И. Кожухарь предлагает следующую периодизацию русско-китайской чайной торговли: 1-й этап – 1689–1762 гг. (формирование русско-китайской чаеоторговли и установление казенной монополии); 2-й этап – 1762–1860-е гг. (складывание системы собственно купеческой чаеоторговли); 3-й этап – 1860-е – 1890-е гг. (освоение сибирскими купцами внутреннего китайского рынка и чайного производства)

[*Кожухарь*, 2011, с. 116].

Необходимо отметить, что продававшийся в Россию чай производился в основном в южных провинциях Китая, а в качестве торговцев выступали представители провинций, в которых чай не производился, в первую очередь жители провинции Шаньси. Как в Российской империи сложился слой кяхтинских купцов-миллионеров, сделавших свое состояние на чайной торговле, так и в Китае сложился слой купцов провинции Шаньси, которые благодаря чайной торговле заняли господствующее положение в китайских коммерческих кругах. Представители гильдии купцов провинции Шаньси, или, как их еще называли по сокращенному наименованию провинции Шаньси «Цзинь», цзиньские купцы, монополизировали чайную торговлю, охватив северную, центральную и южную части Китая.

Именно цзиньские купцы открыли чайный маршрут протяженностью 5 300 км от гор Уишань в провинции Фуцзянь до пограничного города Кяхта [*Великий китайско-русский...*, 2014, с. 69]. Им понадобилось много времени, чтобы монополизировать торговлю на этом маршруте. Они организовали собственную бизнес-сеть, защитив, таким образом, свою деятельность от вмешательства других торговцев. Шаньсийские торговцы владели передовыми технологиями перевозки, были хорошо образованны в сфере торговли и эффективно вели бизнес. В итоге они стали получать огромные прибыли от более чем 100 торговых фирм, которые появились благодаря открытию этого маршрута. В начале XIX в. во владении цзиньских купцов помимо торговых были и банкирские фирмы, игравшие важную роль в транспортировке чая на большие расстояния. До 1871 г. центр банкирских фирм цзиньских купцов, который распоряжался почти всей торговлей чаем и связанным с ним денежным обращением в период правления династии Цин, находился в Ханькоу и только потом переехал в Шанхай [Там же, с. 105].

Такое внимание к истории Великого чайного пути со стороны китайской историографии позволяет исследовать влияние чайной торговли на формирование локальной идентичности как российских, так и китайских городов. В качестве объекта изучения выбраны российский Иркутск и китайский Ханькоу. Необходимо отметить такой интересный факт: во второй половине XIX в. иркутские купцы приобрели чайные плантации близ Ханькоу и были среди тех, кто первым стал производить прессованный плиточный чай.

Особым вниманием исследователей в настоящее время пользуется тема идентичности. Понятие «идентичность» может быть применено как категория практики и как категория анализа. В настоящей работе идентичность используется как категория анализа. В конструктивистской терминологии идентичность рассматривается как изменяющаяся часть материальной реальности, которой «обладают», которую «куют» и «конструируют». Авторы статьи разделяют точку зрения на «идентичность» представителей «нового социального направления», которые понимают «идентичность» как продукт, обусловленный социальной и политической активностью, и в то же время как основание или базис, обуславливающий последующие действия [*Брубейкер, Купер*, 2002, с. 75].

Городская идентичность может быть рассмотрена как локальная идентичность и как один из видов коллективной идентичности. Урбанист И. О. Вендина выделяет два подхода к изучению городской идентичности: подход с позиции уникальности места и чувства малой родины и подход с позиции гражданских ценностей [Вендина, 2012, с. 29–30]. Локальная идентичность в настоящей работе рассматривается с позиции уникальности места. Авторы статьи анализируют идентичность в историческом контексте, показывая, как особенности локальной идентичности позволили сформировать социальные практики ведущей группы губернского Иркутска – купечества.

Пермский исследователь В.В. Абашев отмечает, что «надо разместить многообразные факторы ландшафта, истории, культуры и социальной жизни Перми в таком теоретическом поле, где бы они обнаружили свои связи и смысл» [Абашев, 2000, с. 22]. Он предлагает для этого использовать культурно-семиотический подход и рассмотреть «город как текст». Формирование подобного локального текста В.В. Абашев считает закономерным следствием и продуктом исторической и культурной деятельности. Настоящую статью можно рассматривать как первый шаг в этом направлении по отношению к г. Иркутску. В ней показано, как факторы ландшафта способствуют формированию социальных и культурных практик городских жителей.

Современный китайский Ухань – один из городов, находящихся на Великом чайном пути. Он является столицей провинции Хубэй. Ханькоу, ставший частью Уханя, – известный всему миру восточный чайный порт. Уже в начале XVIII в. Ханькоу стал собирательно-распределительным

центром внешней торговли чаем в Китае. Этому способствовало географическое положение города. На улице Ханьчжэнцзе, находящейся у слияния реки Янцзы и ее самого большого притока Ханьцзян, было очень много чайных магазинов, обрабатывающих мастерских, банкирских фирм. На реке у причала стояли тысячи пароходов для перевозки чая [Там же, с. 89].

С начала XIX в. в Ханькоу стали появляться в больших количествах здания в два и более этажей. Это были преимущественно здания гильдий, цехов и магазинов, которые располагались в центральной части города. Государственные учреждения по-прежнему находились в невысоких примитивных зданиях, спрятанных в закоулках. Именно такое влияние оказывала торговая деятельность на внешний вид города. Стоит также упомянуть красивые, широкие улицы в местах сосредоточения коммерческих предприятий, в особенности больших оптовых складов [罗威廉, 2005, 页31].

В конце XVIII – начале XIX в. Иркутск был губернским городом, административным, торговым, религиозным и культурным центром восточной окраины Российской империи. Он являлся торговым коммуникационным узлом, через него проходил знаменитый Московский тракт и расходились дороги в Якутск и Кяхту. Иркутск был складским пунктом всех товаров, привозимых из России и отправлявшихся туда. Благодаря этому здесь сформировался новый тип купца, осуществляющего по всей территории Сибири торговые операции и владеющего складами, разбросанными по разным городам, с многочисленными приказчиками, ведущими деловую переписку и отчетность [Плотникова, 2014б, с. 42].

Художник-пейзажист А.Е. Мартынов, сопровождавший посольство графа Ю.А. Головкина в Китай, отмечал, что «по живописному своему местоположению Иркутск может похвастаться прекраснейшим городом Сибири, так и богатейшим по обширности торговли и трудолюбию жителей. Средоточное положение его весьма способствует коммерческим оборотам со всею восточною Сибирью» [Мартынов, 1819, с. 41]. И далее: «Будешь поражен увиденным, найдя в сердце Сибири – в 6 000 верстах от Петербурга столь прекрасный город, столь благоустроенную землю, видя на каждом шагу признаки изящных наук и художеств» [Там же, с. 42]. К 30–40-м гг. XIX в. Иркутск приятно поражал путешественников «своими полуготическими церквями, красивыми домиками и правильностью улиц и площадей и, наконец, прекрасною набережною, близ коей устроен сад в английском вкусе» [Плотникова, 2013, с.12].

Когда в 1797 г. российский император Павел I издал указ о передаче содержания городской полиции на городской бюджет, для выполнения этого указа Иркутск использовал свой потенциал важнейшего коммуникационного узла Восточной Сибири. Чтобы содержать полицию был введен повозный сбор, собиравшийся с купеческих возов с товарами, проходящих через Московский, Якутский, Заморский и Кругоморский тракты, расходившиеся из Иркутска. В 1800 г. на городскую полицию было потрачено 6 672 руб. 84,5 коп., в 1817 – уже 11 232 руб. [Плотникова, 2014а, с. 39]. Подчеркнем, что повозный сбор, благодаря которому содержалась иркутская городская полиция, собирался не с иркутян, а с лиц, проезжающих через Иркутск с товарами, и может рассматриваться в том числе как свидетельство развития русско-китайской торговли.

Отметим также, что все назначавшиеся городским головой Иркутска в конце XVIII – первой половины XIX в. были связаны с Великим чайным путем: торговали чаем и другими китайскими товарами, подолгу жили в Кяхте. Например, городской голова в 1787–1789, 1793–1795 и 1798–1799 гг. купец первой гильдии М.В. Сибиряков, частью бизнеса которого была перевозка китайских товаров на судах через Байкал, оценивал объем русско-китайского «вымена» в конце XVIII в. в Кяхте в 3 млн. руб. или 30 тыс. пудов [ГАИО. Ф. 70. Оп.1. Д. 295. Л. 211]. Бывший в 1835–1837 гг. городским головой Н.П. Трапезников в 1837 г. подал записку генерал-губернатору Восточной Сибири о разных предметах народного благосостояния, где рассуждал об улучшении русско-китайской меновой торговли [ГАИО. Ф. 70. Оп.1. Д. 2387. Л. 4–6]. Городской голова в 1850–1852 гг. купец 1 гильдии В.Н. Баснин сообщил составленную в 1846 г. советником Троицкосавского пограничного управления Е.И. Сычевским «Историческую записку о китайской границе», т.е., говоря современным языком, выступил ее редактором. Записка была опубликована в 1875 г. под именем Е.И. Сычевского, но на первой странице есть указание, что сообщил ее В.Н. Баснин. Таким образом, Великий чайный путь не просто проходил через Иркутск, но и оказывал большое влияние на интересы и взгляды людей, управлявших городом в конце XVIII – первой половине XIX в.

Ханькоу во второй половине XIX – начале XX в. стал одним из самых больших центров чаепереработки и чайного экспорта в Китае. В 1858 г. после заключения Тяньцзиньского договора Ханькоу был открыт для иностранной торговли. С 1861 г. здесь стали появляться концессии Великобритании, а затем Франции, Японии и России. В 1863 г. была создана чайная фирма иркутян И.С. Хамина и Н.Л. Родионова, владевшая чайными плантациями близ Ханькоу. В середине XIX в. начало Великого чайного пути переместилось в Ханькоу.

В XIX в. Ханькоу являлся одним из самых густонаселенных городов Китая, он считался очень привлекательным [罗威廉, 2005, 页30]. Известный английский путешественник Лоренс Олифант так отзывался о городе в 1858 г.: «Улицы в Ханькоу выглядят лучше, чем в других городах Цинской империи. Улицы здесь также хорошо вымощены, как в Персидских и Египетских городах, и достаточно широкие. Магазины изобилуют разного рода товарами. Фасады магазинов намного роскошнее, чем в Гуанчжоу и других портовых городах» (цит. по: [罗威廉, 2005, 页31]).

Китайский ученый, доктор наук Лю Цзайци в статье «Чайная торговля между Китаем и Россией» пишет, что «основанные российскими подданными чайные фабрики стали первыми современными предприятиями Уханя и положили начало промышленному развитию города. Торговые корабли непрерывным потоком входили в порт Ханькоу, а пристани растянулись более чем на 15 км, от реки Сянхэ до Цзянзи. Европейцы называли Ханькоу "чайной гаванью"» [Лю Цзайци, 2010, с. 60]. Благодаря чайной обрабатывающей промышленности со второй половины XIX в. Ханькоу стал самым крупным центром обработки и экспорта разных видов сельскохозяйственной продукции.

Ханькоу явился также колыбелью промышленности новой эпохи в Китае. Здесь в 1889 г. начали строить самый первый и самый большой в Азии завод по производству чугуна, а в последствии еще 17 крупных казенных фабрик и заводов [Великий китайско-русский..., 2014, с. 179]. В середине XIX в. развитие китайско-русской чайной торговли и создание ансамбля фабрик чаепереработки новой эпохи способствовали вложению инвестиций еще 16 стран в промышленность Ханькоу. Благодаря усилиям наместника провинции Хугуан Чжан Чжидун в 1889 г. правительство династии Цин приняло решение построить в Ухане самую большую в Китае базу тяжелой промышленности.

Иркутск к концу XIX в. стал одним из самых красивых сибирских городов. Н.В. Турчанинов отмечал, что «его можно считать одним из лучших городов не только Сибири: по богатству, образованию и развитию население его стоит выше населения многих губернских городов Европейской России» [Турчанинов, 1914, с. 309]. По мнению Г.Н. Потанина, Иркутску повезло больше других сибирских городов с людьми, т.е. с человеческим капиталом. Здесь служили выдающиеся генерал-губернаторы, их чиновники, иногда с университетским образованием, отбывали ссылку декабристы и интеллигенты. Все это содействовало культурной шлифовке иркутского купечества. В результате ни один город Сибири, кроме Иркутска, не мог похвалиться такой блестящей, просвещенной буржуазией, прославившей себя крупными денежными пожертвованиями на общественные учреждения и в нисходящих поколениях давшей ряд просвещенных деятелей на научном, литературном и общественном поприще.

По внешнему виду Иркутск – один из лучших городов в Сибири. Театр и музей составляют гордость города. Театр, самый большой в Сибири, вмещавший до тысячи зрителей, был построен на средства жертвователей, собранные генерал-губернатором А.Д. Горемыкиным. Иркутск выделяется из семьи сибирских городов и своими больницами [Потанин, 1994]. Все они были построены на частные пожертвования и оборудованы по последнему слову техники. Частных школ в Иркутске было больше, чем в других городах Восточной Сибири, и в них были созданы лучшие условия для обучения, чем в городских начальных школах. В 1905 г. в Иркутске появился водопровод, в 1910 г. – городская электростанция, к 1911 г. – несколько замощенных булыжником улиц, а на главных – местах была устроена торцовая мостовая. Однако со строительством Транссибирской магистрали значение Иркутска как товарораспределительного центра упало. Иркутская городская дума делала много усилий, для того чтобы восстановить значение города.

Великий чайный путь оказал большое влияние на формирование локальной идентичности как Иркутска, так и Ханькоу. Он не только способствовал развитию торговой функции городов и их экономики, но и оказывал влияние на менталитет жителей, определяя их мировоззрение. Однако

если Ханькоу постепенно разрастался и превращался в промышленный город, то Иркутск остался торговым городом.

Библиографический список

- 罗威廉. 汉口：一个中国城市的商业和社会 (1796–1889) (Рой У. Ханькоу: торговля и общество одного китайского города). Пекин, 2005.
- 张春岭, 凌寒. 万里茶路枢纽：除店 (Чжан Чуньлин, Лин Хань. Шэдянь – транспортный узел Великого чайного пути). Пекин, 2014.
- Абашиев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.
- Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3.
- Великий китайско-российский чайный путь и Ханькоу. Ухань, 2014.
- Вендина И.О. Московская идентичность и идентичность москвичей // *Изв. РАН. Сер. географическая*. 2012. № 5.
- Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп.1. Д. 295. Л. 211; Д. 2387. Л. 4–6.
- Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2010. Т. 2.
- Кожухарь А.И. Периодизация русско-китайской чайной торговли (XVII – XIX вв.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2011. № 8 (14): в 4 ч. Ч. 2.
- Лю Цзайци. Мягкая сила в стратегии развития Китая // *Полис*. 2009. № 4 (112).
- Лю Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией // *Мир Евразии*. 2010. № 3 (10).
- Мартынов А.Е. Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы. СПб., 1819.
- Плотникова М.М. Внешнеполитическая деятельность на Дальнем Востоке графа Е.В. Путятина в контексте русско-китайских отношений XVII – середины XIX в.: дис...канд. ист. наук. Иркутск, 2006.
- Плотникова М.М. Иркутское городское развитие при сибирском генерал-губернаторе М.М. Сперанском // *Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер.: История*. 2014а. Т. 7.
- Плотникова М.М. Современное развитие территориального брендинга в г. Иркутске: исторический контекст и мировая практика // *Изв. Сочинского гос. ун-та*. 2014б. № 3 (31).
- Плотникова М.М. Территориальный брендинг: от герба до бренда (на примере Иркутска): учеб. пособие. Иркутск, 2013.
- Потанин Г.Н. Города Сибири. Цит. по: *Земля Иркутская*. 1994. № 2. С. 41–45.
- Турчанинов Н.В. Города Азиатской России // *Азиатская Россия*. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914.
- Укс В. Все о чае. Китай, 2011.

Дата поступления рукописи в редакцию 06.02.2015

«TEN-THOUSAND-MILE TEA ROAD» AND LOCAL IDENTITY'S FORMATION (THE EXAMPLES OF IRKUTSK AND HANKOU)

R. A. Koss, M. M. Plotnikova

Irkutsk State University, Karl Marx str., 1, 664003, Irkutsk, Russia
rkoss@yandex.ru
someforme@yandex.ru

The ten-thousand-mile tea road is a tea trade road connecting Asia and Europa from the 17th century until the early 20th century. The ten-thousand-mile tea road had a great impact on economic and cultural development of the cities laying on its path. The paper shows the influence of the «ten-thousand-mile tea road» on the formation of local identity in Irkutsk and Hankou. Irkutsk became a rich merchant city due to its advantageous geographical position and tea trade with China. There was a warehouse for all goods delivered by Russia and China. Hankou was a tea collecting and distributing center. In 1861, Hankou was opened as a commercial port and soon it became the biggest tea distributing center in China. Led by modern tea processing industry, Hankou also became the largest processing and exporting center in modern China for tung oil, cow and sheep leather, and other agricultural products. The «ten-thousand-mile tea road» had an important influence on modern transformation of Wuhan city. Trading activity influ-

enced positively on the appearance of Hankou: for example, buildings with two or more floors began to appear in Hankou since the early 19th century and belonged to guilds, shops, stores and non-government agencies. In China, the history of tea trade is connected with the Chinese government's actions to include the «ten-thousand-mile tea road» into the world heritage list of the UNESCO. Chinese historians note that China presented a generous gift to the newly rising European industrial revolution, because tea trade gave a huge amount of taxes and contributed to economic development of many countries, including Russia. In Russian Empire, a group of merchants in Kyakhta made their fortune in tea trade, as well as a group of Shanxi merchants due to tea trade occupied a dominant position in Chinese business. The representatives of Shanxi Province monopolized tea trade and opened a transport passageway of 5300 kilometers from Wuyi Mountain in Fujian to Kyakhta in Russia.

Key words: local identity, Irkutsk, Hankou, «ten-thousand-mile tea road», Chinese historiography.

References

- 罗威廉. 汉口：一个中国城市的商业和社会 (1796–1889) (*Rou U. Khan'kou: torgovlya i obshchestvo odnogo kitayskogo goroda*). Pekin, 2005.
- 张春岭, 凌寒. 万里茶路枢纽：赊店 (*Chzhan Chun'lin, Lin Khan'. Shedyan' – transportnyy uzel Velikogo chaynogo puti*). Pekin, 2014.
- Abashev V.V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka. Perm', 2000.*
- Brubeyker R., Kuper F. Za predelami «identichnosti». Ab Imperio. 2002. № 3.*
- Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti (GAIO). F. 70. Op.1. D. 295. L. 211; D. 2387. L. 4–6.
- Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t. Novosibirsk, 2010. T. 2.
- Kozhukhar' A.I. Periodizatsiya russko-kitayskoy chaynoy torgovli (XVII – XIX vv.). Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2011. № 8 (14): v 4 ch. Ch. 2.*
- Lyu Tszaytsi. Chaynaya torgovlya mezhdru Kitaem i Rossiey. Mir Evrazii. 2010. № 3 (10).*
- Lyu Tszaytsi. Myagkaya sila v strategii razvitiya Kitaya. Polis. 2009. № 4 (112).*
- Martynov A.E. Zhivopisnoe puteshestvie ot Moskvy do Kitayskoy granitsy. SPb., 1819.*
- Plotnikova M.M. Irkutskoe gorodskoe razvitie pri sibirskom general-gubernatore M.M. Speranskom. Izv. Irkutskogo gos. un-ta. Ser.: Istoriya. 2014a. T. 7.*
- Plotnikova M.M. Sovremennoe razvitie territorial'nogo brendinga v g. Irkutske: istoricheskiy kontekst i mirovaya praktika. Izv. Sochinskogo gos. un-ta. 2014b. № 3 (31).*
- Plotnikova M.M. Territorial'nyy brending: ot gerba do brenda (na primere Irkutska): ucheb. posobie. Irkutsk, 2013.*
- Plotnikova M.M. Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' na Dal'nem Vostoke grafa E.V. Putyatina v kontekste russko-kitayskikh otnosheniy XVII – serediny XIX v.: dis...kand. ist. nauk. Irkutsk, 2006.*
- Potanin G.N. Goroda Sibiri. Tsit. po: Zemlya Irkutskaya. 1994. № 2. S. 41–45.*
- Turchaninov N.V. Goroda Aziatskoy Rossii. Aziatskaya Rossiya. T. 1: Lyudi i poryadki za Uralom. SPb., 1914.*
- Uks V. Vse o chae. Kitay, 2011.*
- Velikiy kitaysko-rossiyskiy chaynyy put' i Khan'kou. Ukhan', 2014.
- Vendina I.O. Moskovskaya identichnost' i identichnost' moskvichey. Izv. RAN. Ser. geograficheskaya. 2012. № 5.*